

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

Досаева Г.С.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ряд вопросов квалификации множественности преступлений связан с рассмотрением преступной деятельности виновного лица как процесса, развивающегося во времени и в пространстве.

а) В процессе совершения «основного» преступления лицо выполняет «дополнительные» преступные деяния.

Разрешение такой проблемы непосредственно не предусмотрено в законе, но однозначно следует из сложившейся практики его применения. Здесь теоретически и практически возможны две ситуации.

Во-первых, преступная деятельность лица может быть разбита на ряд относительно изолированных этапов. В практике встречаются случаи, когда приготовление к преступлению порой значительно отстоит от места и времени непосредственного выполнения объективной стороны преступления, либо когда по истечении некоторого времени после неоконченного покушения лицо предпринимает повторную попытку и доводит преступление до конца. Это порождает непростой вопрос о возможности самостоятельной уголовно-правовой оценки отдельных этапов выполнения одного преступления. Верховный Суд РФ выработал на этот счет однозначное правило: последовательные действия в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, направленные на дости-

жение единого результата, совершенные тем же субъектом, образуют единое преступление и не требуют дополнительной квалификации действий, предшествовавших достижению преступного результата¹. Таким образом, последовательно сменяющие друг друга стадии приготовления к преступлению и выполнения объективной стороны преступления не могут образовывать совокупности. Эта деятельность подлежит квалификации с учетом последней стадии.

Вторая ситуация представляется более сложной и характеризуется тем, что приготовительные действия к совершению «основного» преступления рассматриваются уголовным законом в качестве иного самостоятельного оконченного преступления. Например, когда в целях создания условий для совершения какого-либо преступления лицо незаконно приобретает оружие. Важные правила на этот счет разработаны судебной практикой. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о

¹ См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2 квартал 2007 года (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 771П06 по делу Пожилова, Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 167П07 по делу Жемчугова) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 11; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2 квартал 2004 года (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 361п04пр по делу Кайсина) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»² указывается: «В случаях хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также их ношения, хранения, приобретения и изготовления с целью совершения другого преступления содеянное должно квалифицироваться как совокупность оконченного хищения либо вымогательства оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, незаконного их ношения, хранения, приобретения или изготовления и приготовления к совершению иного преступления, если ответственность за это предусмотрена законом». Равным образом, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»³ установило: «Если в процессе совершения террористического акта были использованы незаконно приобретенные либо хранящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, а также незаконно приобретенные, хранящиеся либо изготовленные огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 205 УК РФ и соответственно статьей 220, 222 или 223 УК РФ».

Более развернутые предписания относительно квалификации случаев, когда этап приготовления к преступлению содержит в себе признаки иного оконченного преступления, содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда

РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁴. Приведем некоторые его положения: «Если лицо подделало официальный документ, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось этим документом, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умыслом лица охватывалось использование подделанного документа для совершения преступлений, предусмотренных ч. 3 или ч. 4 ст. 159 УК РФ... Изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных кредитных или расчетных банковских карт квалифицируется по ст. 187 УК РФ. Изготовление лицом поддельных банковских расчетных либо кредитных карт для использования в целях совершения этим же лицом преступлений, предусмотренных ч. 3 или ч. 4 ст. 159 УК РФ, следует квалифицировать как приготовление к мошенничеству».

Системное толкование указанных положений позволяет сформулировать следующие правила квалификации:

– если приготовительные действия к преступлениям небольшой или средней тяжести содержат состав иного самостоятельного и оконченного преступления любой степени тяжести, содеянное не может оцениваться по правилам совокупности и квалифицируется только по закону, устанавливающему ответственность за оконченное преступление, выполненное виновным;

– если приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению содержит состав иного преступления небольшой или средней тяжести, совокупность преступлений также отсутствует, содеянное

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

должно квалифицироваться только как приготовление к преступлению;

– если приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению содержит состав иного тяжкого или особо преступления, содеянное образует совокупность неоконченного и этого иного оконченного преступления.

б) В процессе совершения умышленного преступления лицо меняет первоначальный замысел и совершает иное преступление.

Эта ситуация широко распространена в судебной практике и, как правило, характеризуется в науке с использованием термина «перерастание» менее тяжкого преступления в более тяжкое. Общий подход к ее разрешению представлен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»⁵. Согласно этому документу, «если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой».

Это правило соблюдается Верховным Судом и при квалификации иных преступлений, например, убийства. Так, судом установлено, что Свиридов в ходе обоюдной ссоры нанес потерпевшему Ц. несколько ударов кулаком в голову и по телу, набросил на ноги веревочную петлю и протаскивал около 50 метров, причинив ему вред здоровью средней тяжести в виде закрытой черепно-мозговой травмы легкой степени, а также ссадин на

лице. В продолжение ссоры Свиридов ударом кулака сбил потерпевшего с ног, а затем сдавил руками шею потерпевшего, задушив его. Действия Свиридова судом квалифицированы по ч. 1 ст. 112 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ исключил осуждение Свиридова по ч. 1 ст. 112 УК РФ. Как указано в приговоре, все действия Свиридова были совершены в отношении одного и того же потерпевшего в ходе ссоры, в течение короткого промежутка времени. С учетом указанных обстоятельств содеянное Свиридовым должно быть квалифицировано как одно преступление, совершенное с единым умыслом, и по фактически наступившим более тяжким последствиям, то есть как убийство⁶.

Теоретическая интерпретация ситуаций перерастания одного преступления в другое в науке различна. С.Н. Романюк, к примеру, отмечает, что «перерастание одного преступного деяния в другое, более тяжкое преступление, целесообразно выделять в самостоятельный вид сложных единичных преступлений»⁷. Поддерживая его, Д.С. Чикин конкретизирует основные аргументы в пользу такого решения, определяя признаками «перерастающего» преступления единство умысла, тождественный или однородный (по объекту) характер посягательства, единство предмета и (или) потерпевшего⁸.

В тоже время Е.В. Благов пишет, что «о единстве умысла в точном смысле

⁶ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 251-П07 по делу Свиридова) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

⁷ Романюк С.Н. Сложные единичные преступления. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 7, 17 – 18.

⁸ Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования). Диссертация ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 92 и сл.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

слова здесь говорить сложно, а действия предусмотрены двумя статьями уголовного закона», в связи с чем сложившаяся практика квалификации «перерастающих» преступлений представляется ему сомнительной. Автор настаивает на квалификации содеянного в таких случаях по совокупности преступлений⁹.

Полагаем, что верное решение рассматриваемой ситуации возможно лишь на основе развития и адекватного учета научных положений о динамике субъективной стороны преступления. Рассматривая ее применительно к умышленным преступлениям, П.С. Дагель писал, что такая динамика может выражаться: а) в изменении содержания и направленности умысла, б) в присоединении нового умысла, в) в отпадении умысла¹⁰. Именно эти теоретические построения лежат в основе любых современных представлений о «перерастающем» преступлении.

Однако, на наш взгляд, этот подход нуждается в корректировке. Дело в том, что он опирается на идею динамики умысла. Между тем, умысел это лишь признак состава преступления, отраженный в законодательстве «слепок» с многокомпонентной и динамичной психической деятельности лица во время совершения запрещенного уголовным законом деяния, содержание которого образовано отношением субъекта к этому деянию и его последствиям¹¹. Будучи признаком состава, умысел не имеет динамики. Динамика присуща лишь реальной психической деятельности субъекта.

⁹ Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2009. С. 99 – 101.

¹⁰ См. об этом подробнее: Дагель П.С. Избранные труды / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеев. Владивосток, 2009. С. 47 – 49.

¹¹ Автор вслед за многими криминалистами относит к общественно опасному деянию только общественно опасные действия или бездействие, но не общественно опасные последствия.

В этой связи перерастания одного умысла в другой быть не может по определению. Если психическая деятельность лица во время совершения общественно опасного деяния непрерывна, то ее оценка с точки зрения соответствия тому или иному составу преступления (иным словами, умысел), дискретна.

Исходя из этого, в деятельности, которая начата с одного преступления, и затем переросла в другое (как правило, более тяжкое) преступление, следует фиксировать два психических отношения субъекта: отношение к начавшейся деятельности и отношение к завершенной деятельности. Уже только в силу этого сложно утверждать, что подобная деятельность должна рассматриваться с точки зрения учения о единичном сложном преступлении. Е.В. Благов прав: единства умысла как важнейшего признака единичного преступления в данном случае не наблюдается.

Однако и утверждение о необходимости квалифицировать исследуемые ситуации по совокупности преступлений также неоправданно категорично.

Фактически в тот момент, когда одно преступление перерастает в другое, первый умысел отпадает и появляется умысел второй; одно преступное деяние завершается и начинается другое. При этом первоначальное преступление не доводится до конца по воле или, в зависимости от обстоятельств, помимо воли действующего субъекта. Именно это обстоятельство – причины недоведения первого преступления до конца – и необходимо учитывать при решении вопроса об уголовно-правовой оценке содеянного.

Если первоначальное преступление прерывается по воле действующего субъекта, то ситуацию необходимо оценивать с учетом положений ст. 31 УК РФ «Добровольный отказ». В этом случае будет иметь место добровольно остав-

ленное первоначальное преступление и совершение с внезапно возникшим умыслом второго деяния; за первое преступление лицо не будет нести ответственность, тогда как второе будет квалифицировано самостоятельно. Косвенно факт самостоятельности «второго умысла» признает и судебная практика. В одном из решений Верховный Суд РФ указал, что в ситуации, когда умысел на убийство возникает у виновного **непосредственно во время совершения иного преступления** против здоровья потерпевшего и таким образом преступление, начатое как менее тяжкое, перерастает в более тяжкое, все содеянное охватывается составом убийства и не требует дополнительной квалификации по статьям об ответственности за преступления против здоровья¹². Не возражая против итогового варианта квалификации, подчеркнем свою позицию относительно теоретической его аргументации: первое преступление в данном случае добровольно оставлено, второе – совершено с внезапно возникшим умыслом.

Иной подход к оценке ситуаций, при которых первоначальное преступление не доводится до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли субъекта (например, кража была обнаружена собственником имущества), но субъект, не прерывая своей деятельности, переходит к совершению иного преступления (например, грабежа или разбоя). Исходя из общих, а потому и универсальных правил, в данном случае требуется оценка содеянного по совокупности преступлений: как неоконченного первоначального преступления (например, покушения на кражу) и оконченного второго (например, грабежа).

в) Непосредственно совершая «основное» преступление, лицо использует способ, который оценивается уголовным законом в качестве самостоятельного преступления.

Совершение преступления способом, который образует самостоятельное преступление, но в данном конкретном составе предусмотрен в качестве квалифицирующего признака, – весьма распространенная ситуация. Таковы большинство составных насильственных преступлений, например, грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. Во всех подобных случаях имеет место не множественность преступлений, а единое составное преступление. Вместе с тем, в ситуации, когда способ совершения преступления, взятый в качестве самостоятельного преступления, по степени общественной опасности равен или превышает опасность составного преступления, содеянное должно быть квалифицировано по совокупности преступлений. Например, ч. 3 ст. 150 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенное с применением насилия. Насилие может содержать признаки различных преступлений против жизни и здоровья; а потому составной частью насильственного вовлечения могут быть только такие преступления, которые по степени опасности не превышают опасность деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 150 УК РФ, иными словами, санкция за совершение которых ниже санкции ч. 3 ст. 150 УК. Таковыми преступлениями будут побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью; остальные виды физического насилия при вовлечении требуют самостоятельной правовой оценки по правилам совокупности преступлений. Равным образом, по правилам совокупности преступлений следует рассматривать ситуации, когда престу-

¹² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2000 г. (Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 1-038/2000 по делу Дударева и др.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 4.

пление-способ вообще не предусмотрено в качестве обязательного признака состава основного преступления. На этой теоретической основе Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определило, что хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 327 УК РФ и соответствующей частью статьи 159 УК РФ (поскольку состав мошенничества не предусматривает квалифицирующего признака – использование подложного документа).

г) Совершение основного преступления влечет за собой наступление последствий, которые оцениваются уголовным законом в качестве самостоятельного преступления.

Хрестоматийным примером здесь может служить умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, которое образует состав единого составного преступления. Однако, как и в предыдущем случае, более опасное преступление-последствие не может быть частью целого преступления. Это правило приобретает особое значение в ситуации, когда последствия описываются законодателем с использованием оценочных категорий и когда по отношению к последствиям не определена форма вины. Например, ч. 2 ст. 250 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за загрязнение вод, повлекшее причинение вреда здоровью человека. Форма вины по отношению к квалифицированному последствию за-

коном не определена, объем возможного вреда здоровью не конкретизирован, а максимальная санкция составляет два года лишения свободы. Системное толкование норм уголовного закона позволяет констатировать, что не будут образовывать совокупности преступлений только те ситуации, когда загрязнение вод влечет за собой умышленное причинение легкого вреда здоровью или неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью; в остальных случаях содеянное должно квалифицироваться по правилам совокупности.

д) Продолжая преступную деятельность по окончании одного преступления, лицо совершает другое преступление в отношении того же предмета (потерпевшего).

В судебной практике такие ситуации можно признать относительно распространенными. По ряду из них имеется четко выраженная позиция высшей судебной инстанции.

Так, к примеру, глумление над трупом, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 декабря 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, глумление над трупом по окончании убийства следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Утвердилась в практике и мысль о том, что распоряжение похищенным имуществом, даже если оно содержит признаки какого-либо состава преступления, не требует самостоятельной

оценки. В одном из решений Верховный Суд РФ указал: «Действия виновного, связанные с уничтожением или повреждением автомашины, которая была им похищена, представляют собой способ распоряжения похищенным имуществом по своему усмотрению и дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 149 УК РСФСР (ч. 2 ст. 167 УК РФ) не требуют»¹³.

Не требует высшая судебная инстанции применения правил квалификации деяний по совокупности в ситуации оставления лица в опасности, если опасное для его жизни состояние вызвано умышленными действиями виновного субъекта. В частности, лицо, умышленно причинившее потерпевшему тяжкий вред здоровью, не может нести ответственность за оставление его в опасности¹⁴.

Подобная практика неоднозначно воспринимается в науке. Если А.П. Козлов категорично утверждает, что «поведение виновного после окончания преступления не может выступать составной частью данного оконченного преступления»¹⁵, то Е.В. Благов пишет, что «продолжение реализации умысла после совершения оконченного преступления не должно считаться самостоятельным преступлением»¹⁶.

Представляется, что оба эти суждения неоправданно категоричны. Пра-

вильному решению проблемы, на наш взгляд, призван служить акцентированный анализ содержания объекта посягательства и четкое понимание состава преступления как «застывшего слежка» с динамичной действительности. Деятельность лица по причинению вреда объекту посягательства (если речь идет об умышленных преступлениях) начинается с зарождения умысла и заканчивается реализацией всех субъективных намерений. Часть этой деятельности охватывается составом преступления, момент окончания которого определяется временем причинения или создания угрозы причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, хотя и устанавливается законодателем относительно произвольно. Законодатель считает выполнение этих действий достаточным основанием для возложения уголовной ответственности, а самой этой ответственности в целом достаточной для охраны того или иного объекта. Последующие действия, направленные на объект, которому уже причинен вред, не требуют дополнительной правовой оценки при условии, если:

а) совершаемые действия не обладают общественной опасностью и не предусмотрены законом в качестве преступления (например, употребление в пищу похищенных продуктов питания);

б) субъект выполняет тождественные действия, приводящие к причинению тождественных последствий (так, если после причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшему наносятся дополнительно повреждения, которые также составляют вред здоровью средней тяжести, содеянное квалифицируется как одно многоэпизодное преступление);

в) совершаемые субъектом действия менее опасны чем те, которые уже реально выполнены виновным (например, оставление в опасности после причине-

¹³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2006 г. по уголовным делам (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 255-П06 по делу Александра) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.

¹⁴ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Жгилева и Щебенкова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 1; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2006 г. по уголовным делам (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 215-П06пр по делу Бессонова) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 6.

¹⁵ Козлов А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация. Красноярск, 2007. С. 210.

¹⁶ Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2009. С. 99.

ния тяжкого вреда здоровью или уничтожение имущества после его кражи).

В остальных случаях так называемая последующая деятельность требует самостоятельной оценки. В частности, если:

а) действиями субъекта причиняется вред иному объекту посягательства (как в случае с надругательством над трупом убитой жертвы);

б) в отношении того же объекта совершаются нетождественные действия (таковы случаи совершения насильственных действий сексуального характера с жертвой изнасилования);

в) в отношении того же объекта совершаются преступные действия, которые оцениваются законодателем как более опасные, нежели те, которые уже выполнены, при условии, что умысел

на их совершение не был изначальным и не позволяет рассматривать первоначальное преступление как этап его реализации (например, ситуации легализации имущества, добытого в результате кражи).

Таковы в общих чертах проблемы, с которыми сталкивается современная судебная практика в части квалификации множественности преступлений, и которые, по нашему представлению, недостаточно освещены в научной литературе. Изложенное, конечно, не исчерпывает всех сложных ситуаций, но наглядно демонстрирует глубину и значимость последующего дополнительного анализа проблемы, с неизбежностью включающего в свою орбиту актуальные вопросы учения о преступлении и об уголовном законе.

Библиография:

1. Благов Е.В. Квалификация при совершении преступления. М., 2009.
2. Козлов А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация. Красноярск, 2007.
3. Романюк С.Н. Сложные единичные преступления: Автореф дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008.
4. Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.
5. А. А. Энгельгардт Основания применения норм об идеальной совокупности преступлений // Право и политика. – 2012. – 2. – С. 282 – 287.
6. Сулейманова С.Т. Понятие и цели наказания по уголовному праву Канады // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – 3. – С. 466 – 473.
7. Букалерова Л.А., Фортуна К.А. К вопросу о наказаниях за коррупционные служебные подлоги // Административное и муниципальное право. – 2012. – 6. – С. 17 – 25.

References (transliterated):

1. Blagov E.V. Kvalifikatsiya pri sovershenii prestupleniya. M., 2009.
2. Kozlov A.P. Edinichnye prestupleniya: ponyatie, klassifikatsiya, kvalifikatsiya. Krasnoyarsk, 2007.
3. Romanyuk S.N. Slozhnye edinichnye prestupleniya: Avtoref dis. ... kand. yurid. nauk. Tyumen', 2008.
4. Chikin D.S. Slozhnye edinichnye prestupleniya (ugolovno-pravovaya kharakteristika, problemy kvalifikatsii i zakonodatel'nogo konstruirovaniya): Dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2013.

5. A. A. Engel'gardt Osnovaniya primeneniya norm ob ideal'noi sovokupnosti prestuplenii // Pravo i politika. – 2012. – 2. – С. 282 – 287.
6. Suleimanova S.T. Ponyatie i tseli nakazaniya po ugolovnomu pravu Kanady // Zhurnal zaru-bezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2013. – 3. – С. 466 – 473.
7. Bukaleroва L.A., Fortuna K.A. K voprosu o nakazaniyakh za korruptsionnye sluzhebnye pod-logi // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2012. – 6. – С. 17 – 25.